

АЛЕК

ЭПШТЕЙН

ОЛЕГ

ВАСИЛЬЕВ

ПОЛИЦИЯ МЫСЛЕЙ

**ВЛАСТЬ, ЭКСПЕРТЫ
И БОРЬБА С ЭКСТРЕМИЗМОМ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Час 4

**Алек Д. Эпштейн
Олег Васильев**

**Полиция мыслей.
Власть, эксперты и
борьба с экстремизмом
в современной России**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284540

*Полиция мыслей. Власть, эксперты и борьба с экстремизмом в
современной России: Гилея; М.; 2011
ISBN 978-5-87987-063-3*

Аннотация

Сегодня "борьба с экстремизмом" превратилась в наиболее масштабный проект властей по борьбе с идеологическими "инакомыслящими" и политическими оппозиционерами. Книга о гонениях на художников, правозащитников, активистов, основанная на материалах уголовных дел (ст. 282 УК РФ).

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Проект «Борьба с экстремизмом» и его участники: власть, интеллектуалы и экспертное сообщество	10
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Алек Эпштейн,
Олег Васильев
Полиция мыслей.
Власть, эксперты и
борьба с экстремизмом
в современной России**

Диссидентство – это высшая форма патриотизма.

Если мне не все равно, что происходит с моей страной, если мне есть что критиковать, то моя обязанность – вдумчиво и обоснованно критиковать.

Маша Гессен, автор книги

«Dead Again: The Russian Intelligentsia after Communism»

© А. Эпштейн, О. Васильев, 2011

© «Гилея», 2011

Предисловие

Эта книга писалась на протяжении полутора лет – и закончить ее было куда труднее, чем начать. Новые и новые политические судебные процессы заставляли продолжать работу тогда, когда, казалось, уже вот-вот можно будет поставить точку. Лишь в январе 2011 года в Москве закончился суд над Николаем Авдюшенковым, приговоренным к году тюремного заключения условно за распространение листовки «Время менять власть!», про которую эксперты указали, что на ней «изображена фигура мужчины с папиросой в позе, аналогичной известной фотографии В.В. Маяковского (отдаленно похож на председателя правительства В.В. Путина)». Лишь в марте 2011 года закончился суд над Андреем Кутузовым в Тюмени, где подсудимый ученый-филолог с использованием очевидно сфальсифицированной следствием листовки был осужден за то, что считает «деятельность центров “Э” Департамента по противодействию экстремизму МВД РФ нарушающей права граждан» – эта его точка зрения была объявлена прокуратурой «доказательством, подтверждающим обвинение в совершении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности». Пройти мимо этих дел было невозможно, а значит, работу нужно было продолжать. За это время некоторые другие фигуранты настоящей книги вышли из мест лишения свободы: в сентябре 2010 года

Алексей Никифоров, а в феврале 2011 года Ирек Муртазин вернулись в свои дома.

Политическая власть всегда и везде принимает удобные ей законы и формирует, так или иначе, лояльную ей судебную систему. Вместе с тем, важно, чтобы эта система не превратилась в станок, штампующий решения, легализирующие «полицию мыслей». Судебная система России нуждается в профессионально компетентных и институционально независимых экспертах, осознающих ответственность, лежащую на их плечах. Материалы, собранные в этой книге, свидетельствуют, что в настоящее время векторы движения, к сожалению, противоположны по сути и духу.

Почти во всех делах, проанализированных на страницах монографии, активисты различных оппозиционных организаций обвинялись по «антиэкстремистским» статьям 280 (следствие по ней по действующему законодательству относится к ведению ФСБ), 282, 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. 3 апреля 2011 года президент Д.А. Медведев внес в Госдуму законопроект, согласно которому лица, признанные виновными в участии в «экстремистском сообществе», на протяжении, как минимум, трех лет после этого не смогут занимать различные посты. За месяц до этого стало известно о том, что депутаты Госдумы по предложению правоохранительных органов готовят предложения о переводе этих статей Уголовного кодекса из категории преступлений средней тяжести в тяжкие (что позволит

приговаривать осужденных к срокам до десяти лет лишения свободы). Председатель подкомитета по законодательству в сферах противодействия терроризму, экстремизму и обеспечения экономической безопасности Государственной думы Алексей Розуван поддержал эту инициативу, отметив, что «особое внимание следует обратить на экстремистские заявления и публикации»¹. Мы надеемся, что собранные в настоящей книге материалы побудят законодателей изменить свое мнение.

Эта книга написана профессиональными учеными, имеющими гражданскую позицию, но которым чрезвычайно важно обратиться к социологам, политологам, культурологам, психологам, лингвистам, из среды которых и выходят эксперты, позволяющие властям придать насквозь политизированным процессам видимость беспристрастного правосудия. Поэтому авторы стремились изложить свои мысли и соображения на страницах общественно-гуманитарных и правозащитных журналов и на университетских конференциях. Два наших выступления прозвучали на 17-й ежегодной конференции «*Пути России*», прошедшей 29–30 января 2010 года в Московской высшей школе социально-экономических наук. Сокращенная примерно вдвое версия второй, четвертой, пятой и шестой глав была опубликована в августе 2010 года журналом «*Неприкосновенный запас*», где в феврале 2011

¹ Цит. по: Сурначева Елизавета. Экстремизму добавляют тяжести // Газета. 2011. 4 марта.

года вышла и восьмая глава, в значительной мере базирующаяся на материалах, собранных в блоге «*За свободное искусство*». Девятая глава была опубликована в 2010 году в журнале «*Неволя*». Краткая версия седьмой главы, написанная совместно с Олесей Лобановой, появилась на портале «*Либерти*», а существенно доработанный вариант в переработанном виде был опубликован весной 2011 года журналом «*Индекс/Досье на цензуру*». Мы признательны руководителям секций и изданий, давшим нам трибуну: Ивану Климову, Карин Клеман, Илье Калинину, Науму Ниму и Вячеславу Данилову. При этом мы одни несем ответственность за все приводимые факты и оценки.

Книгу, в основном посвященную роли экспертов в инициированном властями проекте «борьбы с экстремизмом», мы посвящаем тем из них, кто, несмотря на давление, не сломался, сохранив верность гражданской и профессиональной этике. Далеко не все эти люди известны даже в узких кругах, однако опыт Леонида Быкова, Сергея Киселева, Бориса Лозовского (все – Екатеринбург), Елены Михальковой (Тюмень), Елизаветы Колтуновой, Тимура Радбиля, Геннадия Шляхтина, Сергея Давыдова, Владимира Козырькова, Дмитрия Зернова, Романа Сундукова (все – Нижний Новгород), Татьяны Пономаревой (Москва) и некоторых других доказывает, что далеко не все представители гуманитарной научной интеллигенции готовы выполнить любой идеологический заказ репрессивного аппарата силовых структур госу-

дарства. Этим мужественным людям мы и посвящаем свой труд.

Глава I. Проект «Борьба с экстремизмом» и его участники: власть, интеллектуалы и экспертное сообщество

Вопрос о роли интеллектуалов в общественном дискурсе является одним из самых сложных в социологии знания: хотя возможных моделей и классификаций предложено достаточно много, до сих пор нет ясного понимания, как именно могут существовать интеллектуальные инициативы, изначально имеющие своей целью поставить под сомнение параметры существующей полемики и при этом не пользующиеся поддержкой ни со стороны государства, ни со стороны тех или иных фондов, как правило, созданных представителями крупного капитала. В условиях рыночной экономики контркультурным проектам выживать вообще достаточно сложно, но в ситуации, когда государственная власть считает себя вправе определять границы «приемлемого» и «неприемлемого» в сфере культуры и общественной мысли, подобные проекты оказываются практически обреченными. В рамках сформулированной Э. Шилзом модели центра и периферии, «центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, [в частности], культурную (в об-

ласти религии, литературы, образования и т. д.), периферия же состоит из таких слоев, или секторов, общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые и назначаемые к распространению помимо них»². Э. Шилз утверждал, что «центр не только заставляет повиноваться, но и завладевает вниманием. Он сам стремится к этому – хотя, впрочем, в разной степени при различных режимах – и автоматически достигает этого в силу самого факта своего существования»³. Однако, кроме центра и всевозможных периферий в обществе есть и маргинальные группировки, вниманием которых центр совершенно не завладевает, и которые не воспринимают распоряжения и убеждения, вырабатываемые центром или т. н. субцентрами. В сфере интеллектуальной деятельности и художественного творчества именно в среде таких маргинальных группировок (разумеется, далеко не из всех) и формируются те новые течения и тенденции, которые позднее меняют векторы движения, предлагая новые эстетические – и не только эстетические – системы координат. Понимая угрозы, которые несут подобные маргинальные группировки, да и в силу просто присущего центру стремления к максимально широкому распространению своей гегемонии, центр редко когда терпим к ним, причем сте-

² Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы проблемы, методы. Москва: Прогресс, 1972 [пер. с изд. 1968 г. на англ. яз.]. С. 348.

³ Там же.

пень терпимости обратно пропорциональна уровню суверенности демократии: чем она более «суверенная», тем меньше шансов у контркультурных интеллектуалов не работать коچهгарами, не попасть в тюрьмы и лагеря и не оказаться вытесненными в эмиграцию.

Не следует забывать и о другой проблеме, перед которой стоят в настоящее время интеллектуалы – проблеме востребованности. Тиражи научной литературы, стремительно снижаясь, дошли до минимума, заработная плата и гонорары ученых (в том числе за книги и статьи) отбрасывают их на нижние ступени социальной лестницы, а развитие Интернета, со всеми его продуктами – от Википедии до блогосферы – ставит профессионально пишущих людей в состояние тяжелой конкуренции, при которой потенциальные покупатели их знаний и трудов редко когда способны оценить эти знания и эти труды; большинству хватит и скачанной с анонимного сайта чужой курсовой работы, зачем что-то мудреное читать?! Университетские интеллектуалы в подавляющем большинстве своем никогда не умели (да и никогда толком не пробовали) существовать в условиях свободного рынка, привычно рассчитывая либо на финансирование со стороны государства, либо на щедрость меценатов. Эта модель более или менее успешно работает в западных странах, где существует укорененная традиция приобретения толстосумами социального статуса уважаемых общественных деятелей путем оказания филантропической по-

мощи учреждениям науки, культуры и системы здравоохранения. Выделяя помощь, бизнесмены и финансисты формируют попечительские советы университетов, музеев, оркестров, театров и больниц, получают степени почетных докторов и всевозможные дипломы, иногда играя большую, а иногда меньшую роль в реальном руководстве этими учреждениями. В России такой культуры филантропии вне плотно курируемой высшими руководителями страны спортивной сферы практически нет, хотя отдельные состоятельные бизнесмены уже потратили многие миллионы долларов на поддержку тех или иных культурных и научных центров страны. Однако подавляющее большинство работников университетов, научно-исследовательских институтов, серьезных издательств и учреждений культуры ни на какую спонсорскую помощь рассчитывать не могут, в особенности за пределами Москвы. Потратив два десятилетия на получение образования, многие годы совершенствуясь в сфере своих изысканий, большинство представителей гуманитарной интеллигенции, не имеющих дополнительных источников дохода (от аренды доставшихся в наследство квартир или от репетиторства абитуриентов с «гарантией поступления» в престижные вузы), едва сводят концы с концами. К финансовым проблемам, достаточно болезненным самим по себе, добавились проблемы статуса: научные работники, в особенности гуманитарии, чувствуют себя ненужными.

В этой ситуации государственный заказ является спаси-

тельной соломинкой: сопряженный, как правило, с определенными финансовыми вливаниями, он дает неприкаянным кандидатам и докторам всевозможных «неестественных» наук ощущение, что они нужны стране и обществу. Советские и постсоветские научные работники, так и не воспринявшие в подавляющем большинстве своем этос академической свободы, бьются меж собой за право впрячься в идеологическую колесницу государства, какой бы она ни была; позорное повальное участие сотрудииков сотен университетов и институтов в начатой в 2009 году кампании «борьбы с фальсификацией истории в ущерб интересам России», при практически полном отсутствии диссидентских голосов о том, что мало что вредит интересам России больше, чем сама эта абсолютно лженаучная кампания – очевидное тому свидетельство. Власть часто использует интеллектуалов в целях конструирования удобной ей исторической памяти, и это происходит отнюдь не только в тоталитарных и авторитарных государствах. Не является чем-то исключительным и использование интеллектуалов для оправдания борьбы с политическими противниками режима, с диссидентами. Эта борьба может называться по-разному, но суть ее остается одинаковой: люди, ставящие под сомнение основополагающие идеологические догмы режима (ценности коммунистического строительства в Советском Союзе или же ценности американского антикоммунизма в эпоху маккартизма и т. д.), клеймятся как «экстремисты», угрожающие общественному

благу, и потому должны подвергнуться тем или иным репрессивным санкциям.

Минуло почти шестьдесят лет со дня смерти И.В. Сталина и прекращения борьбы с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом», прошло уже три десятилетия со времен брежневского «застоя», но дух собраний в университетах, научно-исследовательских институтах и творческих союзах (а отнюдь не только в партийных и советских органах), где клеймились «внутренние враги», «перерожденцы» и «идеологические диверсанты», никуда не исчез. В 1990-е годы российские власти стремились не к «закручиванию гаек», а, наоборот, к освобождению общества от гнета тоталитарного государства, стремясь не к единомыслию, а к интеллектуальному плюрализму – соответственно, не было государственного заказа на идеологическую борьбу с «внутренними врагами», настоящими или мнимыми. 2000-е годы ознаменовались сменой вектора, и сегодня государство имеет ясные приоритеты в идеологической сфере, которые оно не стесняется навязывать обществу. Соответственно, с теми, кто эти приоритеты активно не разделяет, публично выступая в поддержку иных нарративов исторической памяти или во весь голос ратуя за иные пути развития страны в будущем, государство ведет борьбу, которая тем активнее, чем дальше «новые диссиденты» от нынешней генеральной линии, с одной стороны, и чем жестче они готовы отстаивать свой путь, с другой. Государство, как и в брежневские вре-

мена, никого из диссидентов не расстреливает, но расправу с ними не откладывает в долгий ящик.

В пост-ельцинскую эпоху в стране появились политзаключенные, которых условно можно разделить на несколько категорий⁴: ученые, сотрудничавшие с иностранными коллегами вне рамок контроля спецслужб (освобожденный и высланный из России 9 июля 2010 года Игорь Сутягин, а также всё еще находящиеся в заключении Валентин Данилов, Игорь Решетин и другие), осужденные за государственную измену и незаконный экспорт технологий; активисты оппозиционных организаций – от либерально ориентированных правозащитников до левых радикалов (Сергей Рожков, Алексей Соколов, скончавшийся в заключении в июне 2009 года Рим Шайгалимов и другие), осужденные по самым разным статьям, от «применения насилия в отношении представителя власти» до «разбоя»; журналисты, осужденные в связи с высказываемыми ими диссидентскими взглядами (Ирек Муртазин, Борис Стомахин, Николай Андрущенко и другие) по статьям «клевета», «публичное оскорбление власти», «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием средств массовой информации» и им подобные; ответственные сотрудники разгромленной государством компании «ЮКОС» (Михаил Ходорковский, Платон Лебедев, Алексей Пичугин и другие), осужденные за

⁴ Данная категоризация разработана Союзом солидарности с политзаключенными, см. сайт <http://www.politizeky.ru/>.

т. н. хищение вверенного имущества в составе организованной группы в особо крупном размере, отмывание средств, добытых преступным путем и по другим статьям УК РФ и т. д. Больше всего политзаключенных в России происходят из запрещенной властями в 2007 году Национал-большевистской партии (НБП) Эдуарда Лимонова, активисты которой провели многочисленные акции в защиту политической свободы и социальных прав граждан в России. С 2005 года происходят нападения на штабы НБП в разных городах, на активистов организации. В 2007 году Мосгорсуд признал НБП экстремистской организацией и запретил ее деятельность (решение по жалобе, поданной в этой связи адвокатами НБП в Европейский суд по правам человека, до сих пор не вынесено). Около сорока активистов НБП были арестованы и осуждены в разных регионах страны. Не менее важно и то, что если в 1990-е годы активисты оппозиционных организаций в любое время могли устроить какие угодно акции протеста, то в последние годы власти такие акции жестко пресекают, вне зависимости от того, где и против чего выступают собравшиеся.

Ограничение государственными и муниципальными властями политических и гражданских свобод создает атмосферу, при которой и другие структуры, заинтересованные в формировании максимально удобной для их функционирования среды, стремятся сузить право своих идейных и/или политических противников на протест. Не имея в своем рас-

поряжении Уголовного кодекса и системы судопроизводства, эти структуры вынуждены обращаться к государству за помощью и поддержкой. Поведение органов государственной власти чутко фиксируется этими структурами, чтобы при следующем обращении воспринять предыдущую «разовую» уступку как сложившуюся практику, в результате все больше сдвигая существующий статус-кво в свою сторону.

Сказанное выше может относиться к различным структурам – от профсоюзов и «признанных» экологических организаций до Академии наук и церкви, не встроенным непосредственно в систему органов государственной власти, но при этом во многом зависимым от них и осуществляющих с ними непрерывный диалог. Что касается современной России, то представляется очевидным, что общее сокращение политических и гражданских свобод значительно ограничивает возможности независимых профсоюзных и природоохранных организации, однако оказывается очень «на руку» Российской православной церкви.

Государственно-церковный симбиоз вышел на новый уровень после интронизации Владимира Гундяева (патриарха Кирилла) 1 февраля 2009 года. Взгляды, высказываемые новым патриархом, нашли понимание у высшего руководства страны, а взгляды эти никак не назовешь либеральными. Патриарх – противник правозащитного дискурса как такового; по его словам, «мы становимся свидетелями того, как концепцией прав человека прикрываются ложь, неправда,

оскорбление религиозных и национальных ценностей»⁵. Он считает, что «в публичной сфере любого государства должно допускаться распространение и поддержка только тех ценностей, которых придерживается большинство народа»⁶, в принципе отказывая меньшинствам в праве на какое-либо представительство. Патриарх не согласен с определением Российской Федерации как светского, многоконфессионального государства: «Мы должны вообще забыть этот расхожий термин: “многоконфессиональная страна”. Россия – это православная страна с национальными и религиозными меньшинствами»⁷, – напомнил патриарх Кирилл тем непонятливым, которые по наивности думали, будто что им помнить и что им забывать – сугубо их личное дело. Антизападная и антилиберальная риторика В.М. Гундяева, более всего напоминающая стиль и слог антисемитской кампании позднего сталинизма, отчетливо говорит сама за себя: «На нашу почву были привиты уродливые чужие идеи, – заявил он на Втором Всемирном русском народном соборе в 1995

⁵ Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на X Всемирном русском народном соборе 4 апреля 2006 г. См. <http://www.pravoslavie.ru/put/1213.htm>.

⁶ Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на международном семинаре ЮНЕСКО на тему «Диалог цивилизаций: права человека, нравственные ценности и культурное многообразие». Париж, 13 марта 2007 г. См. <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=604>.

⁷ Митрополит Кирилл: «Россия – православная, а не "многоконфессиональная" страна» // Православное обозрение «Радонеж». 2002. октябрь (№ 126). С. 4.

году. – Деформация национального самосознания... подмена его иным самосознанием, которое условно можно назвать космополитическим». Игнорируя выводы и решения Нюрнбергского трибунала, постановившего, что исполнение заведомо незаконных приказов не освобождает от последующей уголовной ответственности, нынешний патриарх сформулировал доктрину, крайне удобную для властей, ведущих очень сомнительную с морально-политической точки зрения войну на Северном Кавказе: «Военный несет ответственность только за выполнение приказа. В силу присяги, клятвы, которую он дает, он освобожден от всех нравственных вопросов. И церковь должна ему помочь в этом». Понятно, что выдавая государству и его военнослужащим столь безграничный кредит в сфере символической легитимации, руководство РПЦ не без оснований надеется на ответное доброжелательное отношение к себе со стороны властей.

Как справедливо отмечает эксперт Центра Карнеги Алексей Малащенко, Кирилл «активно сотрудничает с государством, добиваясь от него согласия на большую вовлеченность церкви в его политику. Успехом Кирилла можно считать фактический прорыв в области образования, а также получение согласия на присутствие на постоянной основе в вооруженных силах. Ведомая им церковь готова принять самое активное участие в провозглашенной властью “консервативной модернизации”»⁸. И действительно, после интронизации

⁸ Малащенко Алексей. Первая годовщина интронизации патриарха Кирил-

Кирилла вмешательство православной церкви в самые различные сферы значительно возросло, и общественность относится к этому достаточно равнодушно. Гулкое возмущение можно заметить лишь в совсем исключительных случаях, когда, например, в марте 2010 года глава отдела Московской патриархии по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин направил письмо председателю совета директоров «Газпрома», первому вице-премьеру Виктору Зубкову с просьбой продавать российский газ напрямую химическим предприятиям Украины, продемонстрировав при этом недюжинные познания в природе газохимического бизнеса: письмо содержит предложение использовать «толлинговые схемы» либо поставлять газ по ценам, «позволяющим им [украинским химическим гигантам] выпускать конкурентоспособную продукцию»⁹. Кроме подобных случаев, которые, однако, для РПЦ не являются чем-то исключительным¹⁰, общество достаточно равнодушно от-

ла. Комментарий размещен на сайте Центра Карнеги 1 февраля 2010 г. (<http://www.carnegie.ru/publications/?fa=40592>).

⁹ Скоропадский Артем. РПЦ вступилась за украинских химиков // Коммерсантъ-Украина. 2010. 19 марта; Белковский Станислав. Бизнес-церковь. Зачем православную веру вписывают в «толлинговые схемы»? // Московский комсомолец. 2010. 6 апреля.

¹⁰ Всеволод Чаплин признал авторство письма в «Газпром», заявив, что «таких отправляется несколько десятков каждую неделю». По его словам, в патриархат постоянно «обращаются люди с просьбой ходатайствовать, в том числе по социально-экономическим проблемам», а «ходатайствовать перед светскими властями всегда было в церковных канонах». Цит. по: Воронов Александр, Коробов

носится к экспансии церкви, что при благожелательном отношении к ней со стороны президента и председателя правительства делает этот процесс практически необратимым. В начале 2010 года РПЦ был передан в безвозмездное бессрочное пользование Новодевичий монастырь, откуда были немедленно изгнаны реставраторы из Исторического музея¹¹. Несмотря на повсеместный протест музейных работников¹², был принят Закон о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности¹³. Законопроект, внесенный правительством РФ, был зарегистрирован и направлен председателю Государственной Думы 16 июня 2010 года. 19 ноября 2010 года он был в доработанном варианте принят в третьем чтении, после чего пять дней спустя утвержден Советом Федерации, а 30 ноября подписан президентом Д.А. Медведевым. Принятие этого закона ознаменовало собой грандиозную победу церковных институций, все последствия которой обществу еще предсто-

Павел, Мордюшенко Ольга. Химия и житей // Коммерсантъ. 2010. 20 марта.

¹¹ Химич Оксана. Историю России подвели под монастырь. Депортация филиала государственного музея привела к страшным последствиям // Московский комсомолец. 2010. 5 апреля.

¹² Открытое письмо представителей музейного сообщества президенту РФ Д.А. Медведеву // Новые известия. 2010. 19 февраля.

¹³ Коробов Павел. Передача по заявкам служителей // Коммерсантъ. 2010. 14 января; также интервью зам. министра экономического развития Игоря Манылова Марии Семендяевой: «Не "культурные ценности", а "недвижимое имущество"» // Коммерсантъ. 2010. 13 мая.

ит оценить. В контексте настоящего обсуждения (и это будет подробно показано в восьмой главе книги) принципиальную важность имеет готовность РПЦ требовать государственного вмешательства, направленного на подавление свободы анти-клерикального художественного творчества, используя при этом риторику борьбы с экстремизмом, закреплённую в 282-й статье УК РФ.

Инстинкт к обеспечению преемственности социально-культурных норм, ценностей и практик является, в общем, естественным для любого общества. С другой стороны, задачей интеллектуалов по определению являлось и является производство новых парадигм знания и оценки, зачастую идущих вразрез с нормами и ценностями, доминирующими как в обществе в целом, так и среди интеллигенции и среднего класса, к которым, собственно, интеллектуалы и обращаются, видя в них свою «целевую аудиторию». В этой связи критически важной является не столько готовность широких слоёв общества и даже власти принять те вызовы, которые бросают интеллектуалы, сколько заинтересованность в новых парадигмах, формах и практиках мышления со стороны интеллигенции, формирующей общественное мнение и привлекаемой властью для различной экспертной и иной деятельности. В системе отношений интеллектуалов и общества, с одной стороны, и интеллектуалов и власти, с другой, именно существование достаточно широкого «посреднического» слоя критически и плюралистически мыслящей ин-

телигенции, готовой к восприятию ценностных и культурных инноваций и отстаивающей их самоценность, является необходимым условием для формирования среды, благоприятствующей интеллектуальному обновлению.

В последние годы в России складывается, однако, совершенно другая ситуация, когда именно представители интеллигенции (как правило, добровольно, не по принуждению) являются наиболее радикальными глашатаями борьбы против права на художественное и интеллектуальное самовыражение, причем подобная позиция отстаивается всевозможными «экспертами» как в публичном пространстве, так и в правовом поле. Отстаивая, как правило, консервативные ценности, выступая с «охранительских» позиций, эти «эксперты» зачастую используют взятую на вооружение властями риторику «противодействия экстремизму» для подавления интеллектуальной активности, не вписывающейся в их картину мира. При этом представители релевантных профессиональных и интеллектуальных сообществ крайне редко готовы выступить в защиту права на свободу мысли, слова и печати от гонений со стороны государственных или церковных институций, что едва ли удивительно, принимая во внимание практически полное отсутствие этоса интеллектуальной и академической свободы как необходимого условия креативного развития общества, с одной стороны, и отсутствия этики «внутрицеховой» солидарности и «защиты гонимых», с другой.

Опыт последних лет отчетливо демонстрирует, что у властей нет никаких проблем с тем, чтобы привлечь научных работников для выполнения практически любого государственного заказа – идет ли речь о ничем конкретно никому не грозящем, но вторгающемся в сознание миллионов грубом искажении исторической памяти о событиях Второй мировой войны в угоду конструированию незапятнанного нарратива Великой Победы или же о «точечных» расправах с какими бы то ни было «несогласными», для чего при деятельном участии интеллектуалов была сформулирована нормативно-правовая база, ключевым положением которой стало «противодействие экстремизму».

Очевидно, что с социологической точки зрения слово «экстремизм» (от фр. *extremisme*, от лат. *Extremus* – крайний), означающее приверженность крайним взглядам и мерам, лишено всякого содержательного смысла просто в связи с тем, что любой край оказывается краем в зависимости от того, где оказывается общественный центр, который, в свою очередь, находится в состоянии непрерывного движения. Когда-то крайне радикальными считались призывы дать женщинам и евреям избирательное право, а сейчас не менее крайне радикальными в подавляющем большинстве стран (почти во всех, собственно) будут охарактеризованы призывы лишить женщин или евреев этого права. Менее чем семьдесят лет назад в центральной газете страны была опубликована статья, написанная лауреатом высшей награды, на

которую в то время мог рассчитывать представитель интеллигенции – Сталинской премии первой степени, в которой говорилось дословно следующее:

Немцы не люди... Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал... Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев.... Не промахнись. Не пропусти. Убей!¹⁴

Совершенно очевидно, что будь, хоть что-то подобное этой знаменитой статье Ильи Эренбурга опубликовано в наши дни, такой текст был бы сочтен крайне экстремистским, ксенофобским, возбуждающим ненависть, призывающим к насилию и разжигающим межнациональную рознь, а также призывающим к совершению военных преступлений. Думается, что автор такого текста был бы привлечен к ответственности в соответствии с Федеральным Законом РФ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также по целому ряду статей (отнюдь не только 282-й) Уголовного кодекса Российской Федерации. Значит ли это, что знаменитый писатель, пожалуй, самый известный апологет новой западной культуры в Советском Союзе второй половины 1930-х – 1960-х годов был «экстремистом»? Нет, это значит

¹⁴ Эренбург Илья. Убей немца // Красная звезда. 1942. 24 июля.

лишь, что изменились критерии «нормы» и, как следствие, изменилось представление о том, что есть аномалия.

В разных странах и в разные времена было предпринято множество попыток дать определение понятию «экстремизм». Питер Т. Кольман и Андреа Бартоли в своей статье «Addressing Extremism» справедливо отметили в этой связи: «Экстремизм – это на самом деле сложное явление, несмотря на то, что его сложность часто бывает трудно увидеть и понять. Проще всего определить его как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далекие от обычных общепринятых. В обстановке конфликта – демонстрация жесткой формы разрешения конфликта. Однако, обозначение видов деятельности, людей и групп как “экстремистских”, а также определение того, что следует считать “обычным” или “общепринятым” – это всегда субъективный и политический вопрос»¹⁵.

Длительное время в российском праве не существовало легального термина «экстремизм», хотя первая монография, в которой это слово фигурирует в заголовке, была издана по-русски еще в 1986 году¹⁶. Как ни удивительно это выглядит с позиций дня сегодняшнего, попытки использова-

¹⁵ Peter T. Coleman and Andrea Bartoli. «Addressing Extremism». Position paper. New York: Columbia University, The International Center for Cooperation and Conflict Resolution, 2003. P. 2.

¹⁶ Грачев А.С. Политический экстремизм. Москва: Мысль, 1986.

ния этого термина президентом в свое время были пресечены Конституционным судом РФ, который, проверяя конституционность Указа президента Российской Федерации от 28 октября 1992 года «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации» о недопущении создания и деятельности т. н. Фронта национального спасения и его структур, постановил: «Признать не имеющим юридическое значения содержащееся в данном пункте Указа понятие “экстремистские элементы”, поскольку оно не имеет определенного юридического содержания, что может при применении Указа привести к нарушению конституционных прав граждан»¹⁷.

Как отмечает Айдар Султанов, впервые понятие «экстремизм» в российском праве в качестве юридического термина возникло в связи с подписанием и ратификацией Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 года «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»¹⁸. Согласно данной Конвенции, экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных це-

¹⁷ Постановление Конституционного суда РФ от 12 февраля 1993 г. № 3-П, п. 2.

¹⁸ Султанов Айдар. Проблемы применения норм законодательства о противодействии экстремизму // Российская юстиция. 2010. № 9.

лях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

В принятом позже федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью (экстремизмом) было дано более широкое понятие, включавшее в себя, в том числе, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию, а также пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии.

Комитет по правам человека, действующий на основании Международного пакта о гражданских и политических правах, рассмотрев пятый периодический доклад Российской Федерации, принял 6 ноября 2003 года «Заключительные замечания Комитета по правам человека ООН по докладу Российской Федерации». В п. 20 данных замечаний Комитет, приветствуя усилия Государства-участника, направленные на запрещение и преследование групп, распространяющих расистские и ксенофобные взгляды, тем не менее, выразил озабоченность тем, что определение «экстремистской

деятельности» в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» – слишком расплывчатое и не защищает граждан и организации от риска его произвольного толкования. Комитет рекомендовал пересмотреть указанный закон с целью большей конкретизации понятия «экстремистской деятельности», чтобы исключить любую возможность произвольного толкования, и уведомить заинтересованных лиц о том, за какие именно действия они будут подлежать уголовной ответственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.